

DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-6-57-62

Экспрессивные словообразовательные средства в прозе И. А. Бунина (К 150-летию со дня рождения)

Наталья Анатольевна Николина

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия,
e-mail: admin@riash.ru

В статье рассматриваются экспрессивные возможности словообразовательных средств в прозе И. А. Бунина. Отмечается, что писатель последовательно избегал словотворчества. Новообразования в его произведениях носят преимущественно потенциальный характер и немногочисленны. Цель статьи – выявление экспрессивных словообразовательных средств и определение их функций в прозе И. А. Бунина. Для анализа материала используются структурно-семантический и описательный методы. В статье выделены группы словообразовательных средств, значимых для идиостиля И. А. Бунина: это сложные прилагательные и наречия с тропическим компонентом в их составе, народноэтимологические образования, экспрессивные словообразовательные диалектизмы. Показано, что для прозы И. А. Бунина особенно важен морфемный повтор. В произведениях писателя он выполняет усилительно-выделительную и текстообразующую функции, а также функцию развертывания определенного мотива, темы, функцию создания художественного образа. Актуализация деривационных связей выявляет в прозе И. А. Бунина подтекст произведения.

Ключевые слова: *И. А. Бунин; новобразование; сложение; морфемный повтор; обратимость тропов; подтекст; народная этимология*

Ссылка для цитирования: Николина Н. А. Экспрессивные словообразовательные средства в прозе И. А. Бунина (К 150-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81. – № 6. – С. 57–62. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-6-57-62.

Expressive Derivational Means in Ivan Bunin's Prose (To the 150th Anniversary of the Birth)

Natalia A. Nikolina

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia,
e-mail: admin@riash.ru

The author introduces the expressive potential of derivational means in Ivan Bunin's prose. It is noted that the writer consistently avoided occasional word formation. Innovations in his works are potential in nature and few in number. The study is aimed at identifying expressive derivational means and determining their functions in the prose of Bunin. The resources were analysed with descriptive and structural-semantic methods. The author distinguishes the groups of derivational means significant for Bunin's idiosyncrasy: complex adjectives and adverbs with a trope component in their composition, folk etymological formations and expressive derivational dialectisms. Morphemic repetition is considered as essential for Bunin's prose. It performs the intensifying-distinguishing and text-forming functions and serves to deploy a certain motif and theme as well as to create a word picture. Actualisation of derivational relations in Bunin's prose reveals the implied sense of the text.

Keywords: *I. Bunin; innovation; composition; morphemic repetition; trope exchangeability; implied sense; folk etymology*

A reference for citation: Nikolina N. A. Expressive derivational means in Ivan Bunin's prose (To the 150th anniversary of the birth). In *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2020, vol. 81, No. 6, pp. 57–62. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-6-57-62.

Язык И. А. Бунина постоянно привлекает внимание исследователей и рассматривается в разных аспектах. Детально изучены народно-бытовая лексика и функционирование диалектизмов в произведениях писателя [Курносова 1997], показана роль фразеологизмов в прозе И. А. Бунина

[Машина 2000] и описана их структура, составлен словарь эпитетов писателя [Краснянский 2008], рассматривались другие образные средства в его произведениях; объектом лингвостилистического и лингвопоэтического анализа становились многие тексты рассказов И. А. Бунина.

В то же время недостаточно изученными остаются словообразовательные средства, функционирующие в прозе писателя.

Цель данной статьи — выявить экспрессивные словообразовательные средства и определить их функции в прозаических текстах И. А. Бунина.

Для прозы писателя нехарактерно использование сложных словообразовательных техник, в его произведениях отсутствует и языковая игра с морфемами или деривационными формантами. Однако все это не делает словообразовательные средства менее эстетически значимыми в произведениях художника слова.

И. А. Бунин последовательно избегал новообразований. Известны его резко отрицательные оценки словотворчества символистов и футуристов, см., например, критический отзыв о произведениях С. Городецкого: «...Городецкий просто выдумал Дождевика, как выдумал он Ветровая, Вертодуба, Неулыбу... и проч. — по очень дурной манере так называемого “нового искусства” выдумывать (чаще всего на русский лад) имена, не существовавшие никогда и ни в чьих представлениях...» [Литературное наследство 1973: 341].

Ведущие принципы словоупотребления в художественной прозе И. А. Бунина — стремление к максимальной точности номинации и семантические преобразования уже существующих в языке лексических единиц. Новообразования в прозе писателя немногочисленны, причем они преимущественно являются потенциальными словами, а не окказионализмами. Это, например, звукоподражательный субстантив *татаканье* (колес) в рассказе «Третий класс», отвлеченное существительное *бывание* («Ночь»), существительное *п्राобитатели* («Город царя царей»), субстантиваты *Все-единое* («Братья») и *Полуночное* («Полуночная зарница»).

Особую группу потенциальных слов в прозе И. А. Бунина составляют характерные для стиля писателя прилагательные (реже наречия), образованные сложением или сращением¹. В их составе регулярно используются компоненты с цветовой, световой, оценочной семантикой, а также

компоненты, отражающие другие аспекты чувственного восприятия:

Я целовал ее *яблочко-холодное* лицо... («Жизнь Арсеньева»);

Серо-жемчужные облака высоко плыли над улицей... («Клаша»);

...Уже давно наскучило этой паре притворно мучиться своей блаженной мукой под *бесстыдно-грустную* музыку... («Господин из Сан-Франциско»);

Из-под глухо бушующего винта с сухим шорохом сыпались мириады *белоогненных* игл... («Сны Чанга»);

Великоленно-мрачная, широкая... она [аллея] вела к старинному дому... («Митина любовь»)².

Особенностью идиостиля И. А. Бунина является использование в составе сложных прилагательных или наречий тропеического компонента, усложняющего семантическую структуру эпитета. Ср., например:

Валы океана с *огненно-кипящими* гривами, в реве и в гуле бегущие к берегу, вспыхивают... («Ночь отречения»);

На громадных запертых воротах монастыря, на их створах, во весь рост были написаны два высоких, *могильно-изможденных* святителя в епитрахиях... («Жизнь Арсеньева»);

...На моих бревенчатых стенах дрожала *хрустально-золотая* сетка низкого солнца. («Муза»).

В результате на минимальном пространстве текста взаимодействуют несколько образных средств. Наряду со сложными эпитетами с метафорическими компонентами в текстах И. А. Бунина широко используются оксюморонные построения; см., например, подобные образования в романе «Жизнь Арсеньева»: *старчески-детское* плечо; *умиленно-горестно, жалобно-сладко* [пели]; *страдальчески-счастливое* упоение [грачей]; *мучительно-радостно; равнодушно-счастливые* сны, *печально-восторженный* [грохот].

Сложные прилагательные и наречия служат для субъективизации описаний: изображенные реалии, явления, эмоции передают особенности восприятия повествователя или персонажа, их оценочную или оптическую точку зрения, отражают своеобразие его личной картины мира, в которой

¹ См.: Краснянский В. В. Словарь эпитетов И. Бунина. — М., 2008.

² Здесь и далее произведения писателя цит. по: Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9 т. — М., 1965—1967.

совмещаются различные, часто противоречащие друг другу признаки, связанные со сложной гаммой чувств и эмоций.

Компоненты потенциальных сложных эпитетов могут повторяться в пределах одного текста или контекста, при этом меняя позицию в структуре деривата, варьируя один и тот же образ; ср., например:

...Тонька... сидела на полу прямо против ее [печки] устья, вся в ее *пламенно-темном* озаренье... и, слегка отклонив от палящего жара такое же *темно-пламенное* лицо, полусонно смотрела на эти угли... («Жизнь Арсеньева»).

В романе «Жизнь Арсеньева» лейтмотивным компонентом сложных слов, регулярно повторяющимся в тексте, является основа *бессмысленно*, ср.:

Звуки куда-то вели, шли такт за тактом, настойчиво, изысканно-плавно, ликующие, так *бессмысленно-божественно-весело*, что становились почти страшными...;

Мне все думалось, что непременно сойдет когда-нибудь Ганский с ума и... будет уже непрерывно жить и без музыки в подобном же *бессмысленно-радостном*, обманчиво-возвышенном мире...;

Исчезновение времени есть первый признак начала так называемой влюбленности, начала всегда *бессмысленно-веселого*...;

И с *бессмысленно-жуткой* радостью голосили кругом соловьи...

Ряд компонентов сложных слов сохраняет устойчивость на протяжении всего творчества И. А. Бунина. Так, в его текстах частотны повторы основ *мертвенно-*, *траурно-*, *бесконечно-*, *могильно-* и уже отмечающихся элементов сложных слов с цветовой и световой семантикой. Сложные прилагательные и наречия расширяют репертуар образных средств в прозе писателя и во многом определяют присущую ей «словесную чувственность» и изобразительность.

Отказываясь от окказионализмов, И. А. Бунин активно использует другие возможности, связанные с употреблением словообразовательных средств в тексте, прежде всего повтор корневых морфем и аффиксов, который выступает как текстообразующее и экспрессивное средство.

Для прозы художника слова характерна высокая плотность морфемных повторов, прежде всего корневого повтора, который выполняет в тексте усилительно-выделительную функцию и актуализирует

соотнесенность общих семантических компонентов ряда слов:

Она была *бледна* какой-то индусской *бледностью*, родинки на ее лице стали темней, *чернота* волос и глаз как будто еще *чернее*. («Руся»);

Она была *бледна* прекрасной *бледностью* любящей взволнованной женщины. («Кавказ»).

Слова, объединенные корневым повтором, особенно часто образуют в прозе И. А. Бунина пару «признаковое мотивирующее слово — его синтаксический дериват»; ср., например:

На мгновение *черные* ресницы ее взмахнулись прямо на меня, *чернота* глаз сверкнула совсем близко... («Натали»);

И когда я приостанавливаюсь наконец и кладу в его картуз, перед его *незрячим* лицом, несколько сантимов, он, все так же *незряче* глядя в пространство... на миг прерывает свою певучую и складную зауценную речь... («Слепой»);

Но Катя... всему придавала себя, свою красоту, *расцветающую* вместе с *расцветом* весны... («Митина любовь»).

Корневой морфемный повтор в результате обуславливает развертывание и варьирование одного признака, лежащего в основе художественного образа, при этом в текстах И. А. Бунина часто наблюдается обратимость тропов. Так, в рассказе «Ворон» сравнение с птицей сменяется метафорой, затем метафорическим эпитетом, в финале же текста появляется метаморфоза:

Отец мой похож был на *ворона*. ...был он и впрямь совершенный *ворон* — особенно когда бывал в черном фраке на благотворительных вечерах нашей губернаторши, сутуло и крепко стоял возле какого-нибудь киоска в виде русской избушки, поводил своей большой *вороньей* головой, косясь блестящими *вороньими* глазами на танцующих... Он, во фраке, сутулясь, *вороном*, внимательно читал, прищурив один глаз, программу.

В рассказе «Чистый понедельник» при помощи морфемного повтора варьируются образные детали портрета героини. В основе описания — отвлечение эпитета: эпитет-определение трансформируется в субстантивную метафору и сравнение:

А у нее красота была какая-то индийская, персидская: смугло-*янтарное* лицо, великолепные и несколько зловещие в своей густой *черноте* волосы, мягко блестящие. Как *черный*

соболий мех, брови, *черные как бархатный уголь* глаза; пленительный *бархатисто-пунцовыми* губами рот оттенен был темным пушком...;

Я вошел — она прямо и несколько театрально стояла возле пианино в черном *бархатном* платье... блистая... смуглой *янтарностью* обнаженных рук, плеч... угольным *бархатом* глаз и *бархатистым* пурпуром губ...;

Пушок на ее верхней губе был в инее, *янтарь* щек слегка розовел, *чернота* райка совсем слилась с зрачком...

В тексте в результате возникают словообразовательные пары и триады, представленные компаративными тропами: *янтарь — янтарный — янтарность, черный — чернота, бархат — бархатный — бархатистый*. Взаимодействие этих тропов определяет высокую семантическую плотность текста и создает сложный образ «индийской» красоты в восприятии героя.

Образ «черноты» повторяется в описаниях героини. Доминирующий на протяжении всего текста, в финале он резко сменяется концентрацией лексических средств с семантикой «белый», рисующих послушниц Марфо-Мариинской обители: *вся в белом, в белом обрусе, белая вереница поющих, с огоньками свеч у лиц, белый плат*. Этот цветовой контраст, основанный на оппозиции колоративов, отражает путь героини, служит знаком ее выбора и предвещает трагические коллизии в истории России в начале XX в.

Корневой повтор в произведениях И. А. Бунина может быть как контактным, так и дистантным. В результате в текстах отображаются фрагменты словообразовательных гнезд. Так, в рассказе «Пыль» концентрируются единицы одноименного гнезда. Этот повтор выполняет и функцию концептуализации. «Символом азиатчины в русской жизни у Бунина постоянно выступает пыль... это то, во что превращается вся богатая и яркая материя жизни, это смерть, неподвижность, вечность. Это конечное торжество грозных сил вселенной» [Сливицкая 1974: 98].

Значительно реже в прозе писателя встречается аффиксальный повтор, который также выполняет усилительно-выделительную функцию. Как правило, это повтор экспрессивных диминутивов, употребление которых в тексте одновременно выражает оценки персонажа или повествователя. В рассказе «Красавица», например,

концентрация диминутивов, с одной стороны, служит для создания образа маленького героя, страдающего от холодной жестокости мачехи, с другой — актуализирует положительно оценочные коннотации (ласкательность, сочувствие, жалость), связанные с выражением авторской позиции:

...Смирненно сидит себе в уголке гостиной, рисует на грифельной доске *домики* или шепотом читает по складам все одну и ту же *книжечку с картинками*... Он сам стелет себе *постельку* вечером и сам прилежно убирает, свертывает ее утром и уносит в коридор в мамин сундук. Там спрятано и все остальное *добршишко* его.

Диминутивы в этом рассказе «демонстрируют эмпатийный характер авторской речи, ее безусловную направленность на язык и сознание ребенка, о чем говорят характерные детские слова» [Лошаков 2012: 54]. В рассказе «Подснежник» повторяющиеся диминутивы, совмещая значения уменьшительности и положительной оценки, коррелируют с заглавием текста, обнаруживая его метафоричность:

И до чего эта шинель, этот картуз, эти *веточки* идут к нему — к его небесно-голубым, ясным глазкам, к его чистому, нежному *личику*, к новизне и свежести всего его существа, его младенчески-простодушного дыхания...

Иной характер носят диминутивы в рассказе «Далекое», где они регулярно используются в описании Ивана Ивановича — *маленького человека*, слепо подражающего князю, ставшего для героя предметом обожания и подражания; см., например, контекст, который строится на оппозиции «большое — малое»:

Князь с вечера выставлял за дверь свои *большие растоптанные башмаки* и вывешивал *широчайшие* серебристые *панталоны*. Стал и Иван Иванович выставлять свои *сморщенные сапожки*... и вывешивать *брючки* с оборванными пуговицами...

«Мотивационная структура производного может актуализировать определенный мотив произведения. Особую роль при этом играют сложные производные, мотивированные противоположными по значению признаками» [Сидорова 2018: 283]. Например, в рассказе «Господин из Сан-Франциско» оксюморонный эпитет *грешно-скромная* (девушка) в описании нанятой

танцевальной пары развивает мотив ложности и противоестественности отношений, царящих на «Атлантиде» и — шире — в современной автору цивилизации. В этом рассказе используется также эпитет *мертвенно-чистые*:

...осмотр *мертвенно-чистых* и ровно, приятно, но скучно, точно снегом, освещенных музеев или холодных, пахнущих воском церквей...

Этот эпитет, в свою очередь, участвует в развертывании сквозных мотивов обреченности и гибели западной цивилизации, значимых для рассказа.

«Для идиостиля Бунина характерны усиление роли подтекста и организация этого подтекста в целую систему потенциальных смыслов» [Мальцев 1994: 138]. «Потенциальные смыслы» часто связаны с тропеическими производными, компоненты которых обогащаются за счет добавочных семантических «приращений» и ассоциаций. Так, эпитет *кирпично-красные* в рассказе «Чистый понедельник» характеризуется диффузной семантической структурой. Прежде всего он реализует колоративное значение «красный, цвета крови»; ср.: *...на кирпично-красных стенах монастыря болтали в тишине галки, похожие на монашенок...* В то же время этот эпитет выявляет подтекстовые смыслы: наряду с другими описаниями Москвы, данный образ предвосхищает грядущие кровавые катаклизмы, которые ждут Россию, и взаимодействует с иными образами, служащими для углубления подтекста, например: *Полный месяц нырял в облаках над Кремлем, — «какой-то светящийся череп», — сказала она.*

Как отмечала В. Н. Виноградова, «актуализация, “оживление” внутренней формы мотивированного слова, сосредоточение на нем внимания достигается “отстранением” его построения, необычностью словообразовательной структуры» [Виноградова 2016: 113]. Такое «отстранение» в прозе И. А. Бунина может быть связано с обращением к экспрессивным диалектизмам и народноэтимологическим образованиям в речи персонажей. Например, в рассказе «В саду» в реплике мещанина Чеботарева используется оценочное существительное-гипербола *мясопотам*, образованное

субституцией первого компонента чужого для героя узального слова: *Морда сиськой, сама как мясопотам какой.*

Тот же персонаж заменяет слово *сумасбродный* образованием *сумасходный*, внутренняя форма которого прозрачнее, а сам дериват точнее и ярче характеризует состояние народа: *Сумасходный мы народ, с жиру бесимся.*

Таким образом, нестандартные производные в народной речи, неизменно привлекавшие писателя, служат дополнительным источником экспрессии в текстах И. А. Бунина. В репликах персонажей подобные производные выполняют характерологическую функцию.

Актуализация деривационных связей слов в прозе И. А. Бунина может служить фактором текстообразования. Это характерно, например, для рассказа «Муравский шлях». Как отмечал В. Ходасевич, в бессюжетных миниатюрах писателя «путь к бунинской философии лежит через бунинскую филологию — и только через нее» (цит. по: [Бунин 1966, V: 533]). Текст этого «краткого рассказа» включает два структурных компонента: лаконичное (посредством номинативных предложений) описание безлюдной, бесконечной дороги и диалог с ямщиком, в котором дается народная этимология названия Муравский шлях и оживляется его внутренняя форма. Этимологическая фигура устанавливает историческую связь между словом *Муравский* и образной характеристикой прошлого, не локализованного во времени: *большие тысячи лет назад... татары шли, как муравьи.* «Историческая глубь оказывается бездонной. Человек и его жизнь соотносятся с вечностью, что рождает ощущения тайны и невысказанности» [Слинько, Капкан: 75–76].

Таким образом, в прозе И. А. Бунина широко используются экспрессивные словообразовательные средства. Они участвуют в создании тропов разных типов. Морфемный повтор выполняет усилительно-выделительную, текстообразующую и концептуализирующую функции. Актуализация деривационных связей служит в прозе И. А. Бунина дополнительным источником выразительности и выявления подтекста.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградова В. Н. Стилистический аспект русского словообразования. — М., 2016.

Курносова И. М. Диалектизмы в произведениях И. А. Бунина // Материалы по русско-славянскому языкознанию. — Воронеж, 1997.

Литературное наследство. — М., 1973.

Лошаков А. Г. «Жестокие аллеи любви» (Лингвостилистический анализ рассказа И. А. Бунина «Красавица») // Русский язык в школе. — 2012. — № 8. — С. 50–55.

Мальцев Ю. В. Иван Бунин. — М.; Франкфурт-на-Майне, 1994.

Машина О. Ю. Функционирование фразеологизмов в тексте И. А. Бунина // Творчество И. А. Бунина и русская литература XIX–XX вв. — Белгород, 2000.

Сидорова Т. А. Деривационные смыслы как средство актуализации эстетического кода художественного текста // Национальные коды в языке и литературе. Язык и культура. — Нижний Новгород, 2018.

Сливицкая О. В. Фабула — композиция — деталь бунинской новеллы // Бунинский сборник. — Орел, 1974.

Слинко М. А., Капкан И. В. Метафизика существования в «Кратких рассказах» И. А. Бунина // И. А. Бунин в начале XXI века: материалы и статьи. — Воронеж, 2005.

REFERENCES

Vinogradova V. N. The stylistic aspect of Russian word formation. Moscow, 2016. (In Rus.)

Kurnosova I. M. Dialectisms in the works of I. A. Bunin. In *Materialy po russko-slavyanskemu yazykoznaniiyu* [Materials on Russian-Slavic linguistics]. Voronezh, 1997. (In Rus.)

Literary legacy. Moscow, 1973. (In Rus.)

Loshakov A. G. «Cruel alleys of love» (Linguistic analysis of the story «Beauty» by I. A. Bunin). In *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2012, No. 8, pp. 50–55. (In Rus.)

Maltsev Ju. V. Ivan Bunin. Moscow; Frankfurt am Main, 1994. (In Rus.)

Mashina O. Yu. Functioning of phraseological units in the text of I. A. Bunin. In *Tvorchestvo I. A. Bunina i russkaya literatura XIX–XX vv.* [I. A. Bunin's Creativity and Russian Literature of the 19th–20th Centuries]. Belgorod, 2000. (In Rus.)

Sidorova T. A. Derivational meanings as a means of actualizing the aesthetic code of a literary text. In *Natsional'nye kody v yazyke i literature. Yazyk i kul'tura* [National codes in language and literature. Language and culture]. Nizhny Novgorod, 2018. (In Rus.)

Slivitskaya O. V. The plot — composition — a detail of the Bunin novella. In *Buninsky sbornik* [Bunin collection]. Orel, 1974. (In Rus.)

Slinko M. A., Kapkan I. V. Metaphysics of existence in «Short stories» by I. A. Bunin. In *I. A. Bunin v nachale XXI veka: materialy i stat'i* [I. A. Bunin at the beginning of the XXI century: materials and articles]. Voronezh, 2005. (In Rus.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Наталья Анатольевна Николина, кандидат филологических наук, профессор, кафедра русского языка, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет; ул. М. Пироговская, д. 1, стр. 1, г. Москва, 119435, Россия

Natalia N. Nikolina, Cand. of Sci. (Philol.), Professor, Department of Russian Language, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University; 1/1 M. Pirogovskaya str., Moscow, 119435, Russia